

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Виктор
ГЮГО

*Человек, который
смеется*

Москва

2020

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г99

Перевод с французского *Б. Лившица*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Гюго, Виктор.

Г99 Человек, который смеется : [роман] / Виктор Гюго ; [пер. с фр. Б. К. Лившица]. — Москва : Эксмо, 2020. — 640 с. — (Всемирная литература).

ISBN 978-5-04-100022-6

Действие романа Виктора Гюго «Человек, который смеется» происходит в Англии конца XVII — начала XVIII века. Гуинплен — лорд по рождению — в детстве был продан бандитам-компрачико-сам, сделавшим из ребенка ярмарочного шута, вырезав на его лице маску «вечного смеха» (при дворах европейской знати того времени существовала мода на калек и уродов, забавлявших хозяев и гостей, деятельность компрачи-ков иногда даже поощрялась).

Вопреки всем испытаниям Гуинплен сохранил лучшие человеческие качества и свою любовь.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-100022-6

© Издание на русском языке, оформление.
ООО Издательство «Эксмо», 2020

В Англии все величественно, даже дурное, даже олигархия.

Английский патрициат — патрициат в полном смысле этого слова. Нигде не было феодального строя более блестящего, более жестокого и более живучего, чем в Англии. Правда, в свое время он оказался полезен. Именно в Англии надо изучать феодальное право, подобно тому как королевскую власть надо изучать во Франции.

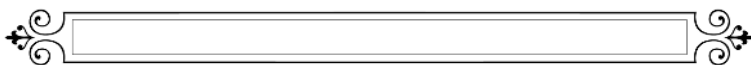
Книгу эту, собственно, следовало бы озаглавить «Аристократия». Другую, которая явится ее продолжением, можно будет назвать «Монархия». Обе они, если только автору суждено завершить этот труд, будут предшествовать третьей, которая замкнет собою весь цикл и будет озаглавлена «Деяносто третий год».

Отвиль-Хауз
1869

Часть первая

Море и ночь

Глава I УРСУС

I

Урсус и Гомо были связаны узами тесной дружбы. Урсус был человеком, Гомо — волк¹. Нравом они очень подходили друг к другу. Имя «Гомо» дал волку человек. Вероятно, он же придумал и свое; найдя для себя подходящей кличку «Урсус», он счел имя «Гомо» вполне подходящим для зверя. Содружество человека и волка пользовалось успехом на ярмарках, на приходских праздниках, на уличных перекрестках, где толпятся прохожие, толпа всегда рада послушать балагура и закупить всяких шарлатанских снадобий. Ей нравился ручной волк, ловко, без принуждения исполнявший приказания своего хозяина. Это большое удовольствие — видеть укрощенного строптивца, и нет ничего приятней, чем наблюдать все разновидности дрессировки. Вот почему бывает так много зрителей на пути следования королевских кортежей.

Урсус и Гомо кочевали с перекрестка на перекресток, с площадей Абериствита на площади Иедбурга, из одной местности в другую, из графства в графство, из города в город. Исчерпав все возможности на одной ярмарке, они переходили на другую. Урсус жил в балагане на колесах, который Гомо, достаточно вышколенный для этого, возил днем и стерег ночью. Когда дорога становилась трудной из-за рытвин, грязи или при подъемах в гору, человек впрягался в лямку и по-братски, бок о бок с волком, тащил возок. Так они вместе и состарились.

¹ Урсус по-латыни значит медведь, Гомо — человек.

На ночлег они располагались где придется — среди вспаханного поля, на лесной прогалине, у перекрестка нескольких дорог, у деревенской околицы, у городских ворот, на рыночной площади, в местах народных гуляний, на опушке парка, на церковной паперти. Когда возок останавливался на какой-нибудь ярмарочной площади, когда с разинутыми ртами сбегались кумушки и вокруг балагана собирался кружок зевак, Урсус принимался разглагольствовать, и Гомо с явным одобрением слушал его. Затем волк учтиво обходил присутствующих с деревянной чашкой в зубах. Так зарабатывали они себе на пропитание. Волк был образованный, человек — тоже. Волк был научен человеком или научился сам всяким волчьим фокусам, которые повышали сбор.

— Главное, не выродись в человека, — дружески говаривал ему хозяин.

Волк никогда не кусался, с человеком же это порою случалось. Во всяком случае, Урсус имел поползновение кусаться. Урсус был мизантроп и, чтобы подчеркнуть свою ненависть к человеку, сделался фиגлярюм. К тому же надо было как-нибудь прокормиться, ибо желудок всегда предъявляет свои права. Впрочем, этот мизантроп и скоморох, быть может, думая таким образом найти себе место в жизни поважнее и работу посложнее, был также и лекарем. Мало того, Урсус был еще и чревоуещателем. Он умел говорить, не шевеля губами. Он мог ввести в заблуждение окружающих, с изумительной точностью копируя голос и интонации любого из них. Он один подражал гулу целой толпы, что давало ему полное право на звание «энгастримита». Он так себя и величал. Урсус воспроизводил всякие птичьи голоса: голос певчего дрозда, чирка, жаворонка, белогрудого дрозда — таких же скитальцев, как и он сам; благодаря этому своему таланту он мог по желанию в любую минуту вызвать у вас впечатление то площади, гудящей народом, то луга, оглашаемого мычанием стада; порою он бывал грозен, как рокочущая толпа, порою детски-безмятежен, как утренняя заря. Такое дарование хотя и редко, но все же встречается. В прошедшем столетии некто Тузель, подражавший смешанному гулу людских и звериных голосов и воспроизводивший крики всех животных, состоял при

Бюффоне в качестве человека-зверинца. Урсус был проныцателен, крайне своеобразен и любознателен. Он питал склонность ко всяким рассказам, которые мы называем баснями, и притворялся, будто сам верит им, — обычная хитрость лукавого шарлатана. Он гадал по руке, по раскрытой наобум книге, предсказывал судьбу, объяснял приметы, уверял, что встретить черную кобылу — к неудаче, но что еще опаснее услышать, когда ты уже совсем готов в дорогу, вопрос: «Куда собрался?» Он называл себя «продавцом суеверий», обычно говоря: «Я этого не скрываю; вот в чем разница между архиепископом Кентерберийским и мной». Архиепископ, справедливо возмущенный, однажды вызвал его к себе. Однако Урсус искусно обезоружил его преосвященство, прочитав перед ним собственного сочинения проповедь на день Рождества Христова, которая так понравилась архиепископу, что он выучил ее наизусть, произнес с кафедры и велел напечатать как свое произведение. За это он даровал Урсусу прощение.

Благодаря своему искусству врачевателя, а может быть, и вопреки ему, Урсус исцелял больных. Он лечил ароматическими веществами. Хорошо разбираясь в лекарственных травах, он умело использовал огромные целебные силы, заключенные во множестве всеми пренебрегаемых растений — в гордовине, в белой и вечнозеленой крушине, в черной калине, бородавнике, в рамене; он лечил от чахотки росянкой, пользовался, сообразно надобности, листьями молочая, которые, будучи сорваны у корня, действуют как слабительное, а сорванные у верхушки — как рвотное; исцелял горловые болезни при помощи наростов растения, именуемого «заячьим ушком»; знал, каким тростником можно вылечить быка и какой разновидностью мяты можно поставить на ноги больную лошадь; знал все ценные, благодетельные свойства мандрагоры, которая, как всем известно, является растением двуполым. У него были лекарства на всякие случаи. Ожоги он исцелял кожей саламандры, из которой у Нерона, по словам Плиния, была сделана салфетка. Урсус пользовался ретортой и колбой; он сам производил перегонку и сам же продавал универсальные снадобья. Ходили слухи, будто одно время он сидел в сумасшедшем доме: ему оказали честь, приняв его за умалишенного, но

вскоре выпустили на свободу, убедившись, что он всего-навсего поэт. Возможно, что этого и не было: каждый из нас бывал жертвой подобных рассказней.

В действительности же Урсус был грамотеем, любителем прекрасного и сочинителем латинских виршей. Он был ученым в двух областях, ибо одновременно шел по стопам и Гиппократы и Пиндара. В знании поэтического ремесла он мог бы состязаться с Рапеном и с Видой. Он мог бы сочинять иезуитские трагедии не менее удачно, чем отец Бугур. Благодаря близкому знакомству с прославленными ритмами и размерами древних Урсус в своем обиходе пользовался ему одному свойственными образными выражениями и целым рядом классических метафор. О матери, впереди которой шествовали две дочки, он говорил: «Это дактиль»; об отце, за которым шли два его сына: «Это анапест»; о внуке, шагавшем между дедом и бабушкой: «Это амфимакий». При таком обилии знаний можно жить только впроголодь. Салернская школа рекомендует: «Ешьте мало, но часто». Урсус ел мало и редко, выполняя, таким образом, лишь первую половину предписания и пренебрегая второй. Но это уж была вина публики, которая собиралась не каждый день и покупала не слишком часто. Урсус говорил: «Отхаркнешься поучительным изречением — станет легче. Волк находит утешение в вое, баран — в теплой шерсти, лес — в малиновке, женщина — в любви, философ же — в поучительном изречении». Урсус по мере надобности кропал комедии, которые сам же с грехом пополам и разыгрывал: это помогало продавать снадобья. В числе других творений он сочинил героическую пастораль в честь рыцаря Хью Миддлтона, который в 1608 году провел в Лондон речку. Эта речка спокойно протекала в шестидесяти милях от Лондона, в графстве Гартфорд; явился рыцарь Миддлтон и завладел ею; он привел с собою шестьсот человек, вооруженных заступами и мотыгами, стал рыть землю, понижая грунт в одном месте, повышая его в другом, иногда подымая речку на двадцать футов, иногда углубляя ее русло на тридцать футов, соорудил из дерева наземные водопроводы, построил восемьсот мостов, каменных, кирпичных и бревенчатых, и вот в одно прекрасное утро речка вступила в пределы Лондона, который испытывал в то время недостаток в воде. Урсус

преобразил эти прозаические подробности в прелестную буколическую сцену между рекою Темзой и речкой Серпантинной. Мощный поток приглашает к себе речку, предлагая ей разделить с ним ложе. «Я слишком стар, — говорит он, — чтобы нравиться женщинам, но достаточно богат, чтобы оплачивать их». Это был остроумный и галантный намек на то, что сэр Хью Миддлтон произвел все работы за свой счет.

Урсус мастерски владел монологом. Будучи нелюдимым и вместе с тем словоохотливым, не желая никого видеть, но испытывая потребность поговорить с кем-нибудь, он выходил из затруднения, беседуя сам с собою. Кто жил в уединении, знает, до какой степени человеческой природе свойствен монолог. Слово, звучащее внутри нас, вызывает своего рода зуд. Обращаясь в пространство, мы как бы открываем предохранительный клапан. Разговор вслух наедине с собой производит впечатление диалога с богом, которого мы носим в себе. Таково, как всем известно, было обыкновение Сократа. Он произносил речи перед самим собой. Точно так же поступал и Лютер. Урсус брал пример с этих великих мужей. Он обладал способностью, раздваиваясь, быть своей собственной аудиторией. Он задавал себе вопросы и сам отвечал на них; он превозносил себя и осыпал оскорблениями. С улицы слышно было, как он один ораторствует в своем возке. Прохожие, у которых есть свое мерило для оценки незаурядных людей, говорили: «Вот идиот!» По временам, как мы только что сказали, Урсус бранил самого себя, но бывали моменты, когда он отдавал себе должное. Как-то в одной из тех кратких речей, с которыми он обращался к себе, он с гордостью воскликнул: «Я изучил растение во всех его тайнах, я изучил стебель, почку, чашелистики, лепесток, тычинку, завязь, семяпочку, бурачок, спорангий и апотеций. Я постиг хромацию, осмосию и химосию, иными словами — образование цвета, запаха и вкуса». В этом аттестате, который Урсус выдавал Урсусу, была, несомненно, некая доля бахвальства, но пусть первым кинет в него камень тот, кто не постиг хромации, осмосии и химосии.

К счастью, Урсус никогда не бывал в Нидерландах. Там его, без сомнения, взвесили бы, чтобы определить, обладает ли он должным весом, избыток или недостаток которо-

го свидетельствует о том, что человек — колдун. В Голландии этот должный вес был мудро установлен законом. Это было удивительно просто и остроумно. Вас клали на чашу весов — и все сразу становилось ясным: если вы оказывались слишком тяжелым, вас вешали, если слишком легким — сжигали. Еще теперь можно видеть в Удеватере весы для взвешивания колдунов, но в наши дни на этих весах взвешивают сыр, — вот во что выродилась религия! Тошечку Урсусу, пожалуй, не поздоровилось бы от такого взвешивания. В своих странствиях он избегал Голландии — и хорошо делал. Впрочем, мы полагаем, что он вообще не покидал пределов Англии.

Как бы то ни было, Урсус, человек очень бедный и притом сурового нрава, завязав в лесу знакомство с Гомо, почувствовал влечение к бродяжничеству. Он взял волка себе в товарищи и стал скитаться с ним по дорогам, живя на вольном воздухе жизнью, полной всяких неожиданностей. Урсус был очень изобретателен, всегда себе на уме, весьма искусен во врачебном деле и великий мастер на всякие фокусы. Он пользовался славой хорошего лекаря и хорошего фигляра; само собою разумеется, что его считали и чародеем, но лишь отчасти, ибо прослыть приятелем черта было в ту пору небезопасно. Говоря по правде, Урсус своим пристрастием к фармакопее и лекарственным растениям мог навлечь на себя подозрение, так как часто уходил собирать травы в угрюмые, непролазные чащи, где произрастает салат Люцифера и где, как это установил советник д'Анкр, рискуешь встретить в вечернем тумане вышедшего из-под земли человека, «кривого на правый глаз, без плаща, со шпагой на боку и совершенно босого». Но при всех странностях своего характера Урсус был слишком добропорядочным, чтобы насылать град, вызывать привидения, вихрем пляски замучить человека насмерть, внушать безмятежные или, напротив, печальные и полные ужасов сны и заклинаниями выводить из яиц четырехкрылых петухов — подобных проделок за ним не водилось. Он был не способен на такие мерзости, как, например, говорить по-немецки, по-древнееврейски или по-гречески, не изучив этих языков, что является признаком либо гнусного коварства, либо природной болезни, вызываемой меланхолией. Если Урсус изъяснялся по-латы-

ни, то только потому, что знал ее. Он не позволил бы себе говорить по-сирийски, так как не знал этого языка; кроме того, доказано, что сирийский язык — язык ведьм. В медицине Урсус не без основания отдавал предпочтение Галену перед Кардано, ибо Кардано, при всей своей учености, жалкий червь по сравнению с Галеном.

В общем, Урсус не принадлежал к числу тех лиц, которых часто тревожит полиция. Его возок был достаточно длинен и широк, чтобы он мог лежать в нем на сундуке, хранившем его не слишком роскошные пожитки. Он был обладателем фонаря, нескольких париков, кое-какой утвари, развешанной на гвоздях, а также музыкальных инструментов. Кроме того, у него была медвежья шкура, которую он напяливал на себя в дни больших представлений; он называл это — облачаться в парадный костюм. «У меня две шкуры, — говорил он, — вот эта — настоящая». И он указывал на медвежью шкуру. Передвижной балаган принадлежал ему и волку. Кроме возка, реторты и волка, у него были флейта и виола-да-гамба, на которых он неплохо играл. Он сам изготавливал эликсиры. Все эти таланты иногда обеспечивали ему возможность поужинать. В потолке его лачуги было отверстие, через которое проходила труба чугунной печки, стоявшей почти вплотную к сундуку, так что деревянная стенка его даже слегка обуглилась. В печке было два отделения: в одном из них Урсус варил свои специи, в другом — картошку. По ночам волк, дружеской рукой посаженный на цепь, спал под возком. Гомо был черен, Урсус сед; Урсусу было лет пятьдесят, если не все шестьдесят. Его покорность человеческой судьбе была такова, что он, как выше упомянуто, питался картофелем, который в ту пору считался поганой пищей, годной лишь для свиней да каторжников. Он ел его, негодуя, но подчиняясь своей участи. Ростом он был невысок, но казался долговязым. Он горбился и был всегда задумчив. Согбенная спина старика — это груз прожитых лет. Урсусу на роду было написано быть печальным. Ему стоило труда улыбнуться и никогда не удавалось заплакать. Он не умел находить утешение в слезах и временное облегчение в веселье. Старик — это не что иное, как мыслящая развалина. Урсус и был такой развалиной. Краснобайство шарлатана, худоба пророка, воспламеняемость заряженной